

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА БЕЛЯКОВА*

О некоторых особенностях распространения кириллических памятников церковного права у славян в раннее новое время

BELYAKOVA, E.: Distribution of Cyrillic Sources of the Canon Law by the Slavs during the Early Modern Time. *Slavica Slovaca*, 55, 2020, No 1, pp. 37-45 (Bratislava).

The most important canon law texts were translated into Slavic in two stages: in the initial period of the spread of Christianity and in the heyday of independent Slavic states. In Early modern period, the complete codes of canons (Kormchie) were being copied mainly on the territory of the Moscow and Kiev metropolitanates, while in the Balkans and Central Europe the Alphabetical Syntagma of Matthew Blastares and the so called Pseudozonar-miscellany were most widespread. The reason for dissemination of the Pseudozonar is the need for self-organization of church communities. This miscellany was open both for replenishment with new texts, including those coming from the Catholic tradition, as well as for local vernacular influences.

Cyrillic sources of the Canon law, manuscripts, church communities, regulation of religious life.

Историки и лингвисты уделяют основное внимание древнейшим переводам на славянский язык памятников канонического права. К ним относятся «Номоканон Мефодия» (Синтагма в 50 титулах), Заповедь св. отец, Синтагма в 14 титулах («Древнеславянская Кормчая»), Номоканон Иоанна Постника, Пандекты Никона Черногорца.¹ Перевод этих текстов был осуществлен на начальном периоде существования славянских церквей.

Второй период в переводе церковных канонов, связанный с культурным подъемом независимых славянских государств и созданием автокефальных церквей, также привлекал внимание исследователей, хотя многие вопросы и остались нерешенными. Научное издание Законоправила св. Саввы (Святосавской Кормчей) не было закончено² и это приостановило исследование редакции. Создание и распространение Законоправила связано с деятельностью св. Саввы Сербского, ставшего первым автокефальным архиепископом Сербской церкви. Со св. Саввой связано, как предположил А. А.Турилов, и распространение сокращенной редакции Пандектов Никона Черногорца, адресованных в первую очередь монашествующим.³ Почти все ранние сербские списки Святосавской Кормчей связаны с сербскими церковными иерархами или представителями династии Неманичей.

* Белякова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, Институт Российской истории Российской Академии наук. Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 19-512-18007 Болг_а.

¹ Срезневский, И.: Обзорение древних русских списков Кормчей Книги. In Сборник Отделения Русского языка и словесности. Т. 65. № 2. Санкт-Петербург, 1897; Пичхадзе, А.: Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2011; Die Pandekten des Nikon vom Shwarzen Berge (Nikon Černogorec) in der ältesten slavischen Übersetzung. Edition von Pavlova, R und Bogdanova, S. Mit einem Aufsatz von Pavlova, R. aus dem Bulgarischen von Belentschikow, R. Frankfurt am Main: Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Bd. 6, 2000. Teil 1-2; Максимович, К. А.: Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII в. (юридические тексты). Москва: Языки русской культуры, 1998; Максимович, К.: Заповеди святых отец. Латинский пенитенциал VIII века в церковнославянском переводе. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2008.

² Законоправило светого Саве. Приред. Петровић, М. – Штавланин-Ђорђевић, Ј. Т. I. Београд: Историјски институт, 2005.

³ Турилов, А.: Какие «многие законные книги» переписал в 1219 г. св. Савва Сербский? In Турилов, А. А.: Межславянские связи эпохи Средневековья и книжная культура южных славян: этюды и характеристики. Москва: Знак, 2012, с. 361-366.

В 1251–1252 г. была написана рукопись для Будимлянського єпископа Феодила (известна в копии 1615 г.), Иловицкий список был создан для Зетской епархии в 1262 г. для епископа Неофита, епископом Рашским Григорием был создан список в 1305 г. – вклад в Хиландарский монастырь. К первой трети XIV в. относятся и списки Сараевский, Дечанский и сокращенный Хлудовский.⁴ Один из списков Законоправила, сделанный со списка Тырновского патриарха, был отправлен на Русь в 1262 или 1270 г. Здесь он был использован (наряду со списком Древнеславянской редакции) для создания Русской редакции Кормчей. Наиболее ранний дошедший до нас список этой редакции был сделан для Новгородской кафедры в 1282 г.⁵ Особенностью русской канонической традиции явилось включение созданных на Руси памятников права в состав Кормчей. Этот факт можно объяснить особой ролью архиепископа Новгорода в политической жизни города.

С расцветом сербского государства в эпоху Стефана Душана, стремившегося создать государство сербов и греков, связан перевод на славянский язык Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря, почти синхронный ее созданию в 1335 г. Синтагма объединяла каноны и законодательство византийских императоров. Властарь широко использовал толкования Федора Вальсамона, ранее не известные в славянской традиции. Краткий вариант Синтагмы Матфея Властаря вместе с Законом царя Юстиниана сопровождал в рукописях Законник Стефана Душана. Распространение Алфавитной Синтагмы у славян было исследовано В. Александровым. К концу XIV – началу XV вв. относятся, как показал В. Александров, семь списков Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря. При этом три из них связаны с Афонскими монастырями (Хиландар, Зограф, монастырь св. Павла), что дало возможность предположить, что перевод был сделан на Афоне.⁶ Создание ктиторских монастырей в XIV в. также сопровождалось снабжением их книгами. В этом плане показательна библиотека Дечанского монастыря, восстановленного в 90-ые годы XIV в., значительную часть собрания которого составляют рукописи последнего десятилетия XIV – начала XV вв.⁷ К этому периоду относятся два Дечанских требника с епитимийными собраниями – Деч. 68 и Деч. 69,⁸ Пандекты Никона Черногорца 1409 г. (Деч. 90), Алфавитная Синтагма (Деч. 111). К более раннему периоду относится Кормчая Святосавской редакции (Деч. 110), а к XVI – XVII векам – Алфавитная Синтагма (Деч. 112), Требник с епитимийным Номоканоном (Деч. 70) и Псевдозонар (Деч. 116). Псевдозонар был написан иеромонахом Геннадием для монастыря Благовещение.⁹

Не позднее второй половины XIV века был сделан, по-видимому, в Сербии и перевод сокращенного собрания правил с толкованиями Иоанна Зонары.¹⁰

⁴ Турилов, А.: О датировке и происхождении двух сербских пергаменных списков Святосавской кормчей. In *Cyrrillomethodianum* 19, 2014, с. 41–46; Белякова, Е. - Турилов, А.: Кормчая книга. In *Православная Энциклопедия*. Т. XXXVIII. Москва: ИНЦ «Православная энциклопедия», 2015, с. 53.

⁵ Щапов, Я.: Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. Москва: Наука, 1978, с. 159–185.

⁶ Alexandrov, V.: The Syntagma of Matthew Blastares. The destiny of a byzantine legal code among the orthodox slavs and Romanians 14–17 centuries In *Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte*. Bd. 29. Frankfurt am Main: Loewenklaus-Gesellschaft e.v., 2012, s. 78–98.

⁷ Гагова, Н.: Владетели и книги. Участието на южнославянски владетел в производството и употребата на книги през Средновековието (IX – XV в.): рецепцията на византийски модел. София: «Пам Пъблишинг Къмпани» ООД, 2010, с. 167.

⁸ Бојанин, С.: Пенитенцијални састави у Дечанским Требницама № 68 и 69. In Суботин-Голубовић, Т. (уред.): Дечани у светлу археографских истраживања. Београд: Народна библиотека Србије, 2012, с. 163–182.

⁹ Синдик, Н. (приред.): Опис хирилских рукописних књига манастира Високи Дечани. Т. I. Београд: Опис јужнословенских хирилских рукописа. Т. IV. 2011, с. 482–485.

¹⁰ Белякова, Е.: О сербском переводе правил с толкованиями Иоанна Зонары. In Црквене студије. Годишњак Центра за црквене студије. 2010, Бр. 6, с. 235–242.

С культурным расцветом Тырново был связан новый перевод Пандектов Никона Черногорца, распространявшихся в монашеской среде, и, как предполагает Д. Найденова, перевод с греческого Номоканона Псевдозонар.¹¹

В отличие от Кормчей и Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря Псевдозонар был обращен не к епископам, а к священникам, монахам и мирянам. Псевдозонар включил в себя сокращенную редакцию Номоканона Иоанна Постника. Но его содержание не ограничивается епитимийными правилами: сборник содержит правила организации христианской жизни. В него вошли главы о праздниках, о создании церквей, о причащении, при этом, в отличие от Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря, в Псевдозонаре полностью отсутствует имперская идеология.

Исследование Ужгородского списка Псевдозонары показало, что изучение распространения этого собрания, как и других славянских канонических памятников, возможно только с учетом всей рукописной традиции. Памятник успешно распространялся в Болгарии: XIV-м веком датируются 6 списков Псевдозонары. Наиболее ранний Хлудовский список происходит, как показал А. А. Турилов, из тырновского скриптория.¹²

Исследование канонических книг нового времени значительно отстает от предыдущих периодов. Это связано с тем, что бумажных рукописей во много раз больше, чем пергаменных, памятники существуют во множестве редакций, помимо полных собраний канонов существуют и небольшие собрания епитимийных правил, входящие в состав Требников и канонических сборников, а сводный каталог славянских канонических памятников, необходимость в котором уже давно назрела, отсутствует.¹³

На славянской книжности раннего нового времени отразилось завоевание турками Константинополя, кардинальным образом изменившее церковную ситуацию на Балканах: Сербия и Болгария еще раньше были захвачены османами, славянские патриархии прекратили свое существование, епископы стали назначаться из Константинополя и Охридской архиепископии и были преимущественно греками. Политическая ситуация отразилась и на книжности. Только один список с Сербской Кормчей – Белградский – относится к третьей четверти XV в. Неслучайно, что на вторую половину XV в. приходится, согласно подсчетам В. Александрова, только четыре рукописи Алфавитной Синтагмы, две из которых связаны с Охридским диоцезом.

Однако жизнь славянских церквей не прекратилась: церкви и уцелевшие от разгрома монастыри продолжили свое существование. В этих условиях возросла роль Афона как центра православия. Афонским монастырям удалось сохранить свой исключительный статус и в условиях турецкого завоевания, а также свои богатые библиотеки, служившие источником для написания новых книг. Сербская знать, правители Молдавии и Валахии, а также с XVI в. московские правители поддерживали материально афонские обители и делали в них вклады, в том числе и книгами. В 1557 г. была восстановлена Печская патриархия и это событие значительно способствовало росту сербского книгописания. В XVI – начале XVII в. на Балканах были созданы уже три списка с Кормчей: Саввинский (Саввинский монастырь в Черногории), Печский 1552 г. и Морачский 1614/1615 г. От периода XVI в. имеется 12 южнославянских списков Алфавитной Синтагмы.

¹¹ Žeňuch, P. – Белякова, Е. – Найденова, Д. – Zubko, P. – Marínčák, Š.: Užhorodský rukopisný Pseudozonar. Pravidlá mníškeho a svetského života z prelomu 16. – 17. storočia / Ужгородский рукописный Псевдозонар. Правила монашеской и светской жизни рубежа XVI – XVII вв. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. V. Bratislava – Москва – София – Košice: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Институт российской истории РАН – Кирило-методиевский научен център към БАН – Slovenský komitét slavistov – Centrum spirituality Východ-Západ Michala Lacka – VEDA, vydavateľstvo SAV, 2018, с. 240-241.

¹² Турилов, А.: К истории тырновского “царского” скриптория XIV в. In Турилов, А.: Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян. Москва: Знак, 2012, с. 316-336; Цибранска-Костова, М.: Покаяната книжнина на Българското средновековие IX – XVIII век. София: Изд-во «Валентин Траянов», 2011.

¹³ Белякова, Е.: К проблеме каталогизации греческих и славянских церковно-правовых рукописей. In Современные проблемы археографии. Вып.2. Сборник статей по материалам конференции к 300-летию Библиотеки Российской Академии наук. Санкт-Петербург: Издательство БАН, 2016, с. 111-123.

На период XV – XVI вв. приходится культурный подъем в Валахии и Молдавии, где славянский язык был языком православной церкви и культуры, языком книжности. Особую роль играли в книгописании монастыри Нямец и Путна, а заказчиками выступали молдавские господа и церковные иерархи.¹⁴ Для митрополичьей кафедры в Сучаве был сделан, по-видимому, в конце XV в. и список с недошедшей Кормчей, хранившейся ранее в библиотеке Милешевского монастыря (Бухарест, БРАН № 285).

Но широкое хождение в этих землях получила преимущественно Алфавитная Синтагма, и ее распространение связано здесь с именами правителей – воеводой Иоанном Владиславом и Стефаном Великим (1457-1503). От второй половины XV века до нас дошло шесть списков Синтагмы молдаво-валашского происхождения, от XVI века – четыре, XVII века – четыре. Три из них связаны с митрополией в Сучаве. Большое распространение в этих землях получил и сборник Псевдозонар, о чем будет сказано ниже.

На востоке славянского мира в 1458 г. произошло разделение Киевской митрополии на Московскую, ставшую автокефальной, и Киевскую, находившуюся на территории Великого княжества Литовского. В отличие от Балкан, на Руси Кормчие и в раннее новое время переписывали очень активно, и были созданы новые редакции канонических книг. В середине XV века появилась Софийская редакция Кормчей, 29 списков которой принадлежат ко второй половине XV – XVII вв. На первых листах Софийской редакции впервые появился «актуальный» текст – Сказание о сербской и болгарской патриархиях, которое служило обоснованием московской автокефалии. Еще большей популярностью в Московской Руси пользовалась Чудовская редакция (известно больше 35 списков), чей объем по сравнению с Русской редакцией увеличился чуть ли не вдвое за счет многих полемических и катехитических текстов.¹⁵ В рукописной традиции новые редакции не вытесняли полностью старые: в начале XVI в. список был сделан с «номоканаона Мефодия» и находился в библиотеке Московского митрополита Иоасафа (РГБ, ф. 173 МДА фонд № 54), с Древнеславянской редакции во второй половине XV в. были сделаны четыре списка, с Мазуринской редакции в начале XVI в. – два списка.

Кормчие в это время в Московской Руси связаны уже не только с кафедрами, их переписывают в монастырях и, как показывает история Соловецкого монастыря, для монастырских библиотек. Были созданы систематические редакции, более удобные в пользовании и отвечающие запросам нового времени: Кормчая Вассиана Патрикеева, Кормчая Нифонта Кормилицына.¹⁶

Одновременно шла работа и по созданию сводов, объемлющих все редакции. Митрополит Даниил пытался к каждому правилу подыскать все имеющиеся переводы, все соответствующие правила и законы и даже примеры из житий. Работа осталась незаконченной, но было сделано четыре списка. Более простой была работа по созданию Годуновской редакции: в ней были объединены главы Софийской и Чудовской редакции Кормчей.

В Киевской митрополии Кормчие также активно переписывали. Здесь на основе сербской редакции была создана Кормчая «западнорусской» редакции с расположением правил в порядке XIV титулов (известно семь списков). Списки этой редакции сохранили поучения, с которыми киевские митрополиты обращались к священникам.¹⁷ Лукашевическая редакция (17 списков) с обилием антилатинских текстов была создана, по-видимому, в 30-ые годы XVI в. в связи с восстановлением епархии в Галиции.¹⁸ На землях Великого княжества Литовского

¹⁴ Паскаль, А.: Источники по истории славяно-молдавской книжности XV – XVI вв. (по материалам Москвы и Ленинграда): Автореф. дис. канд. историч. наук. Москва: МГИАИ, 1991, с. 14-15.

¹⁵ Корогодина, М.: Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. Т.1.: Исследование. Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2017, т.2. с. 95-149.

¹⁶ Белякова, Е. – Мошкова, Л. – Опарина, Т.: Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. Санкт-Петербург – Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2017, с. 92-106.

¹⁷ Белякова, Е.: Циклы поучений священникам в кормчих западнорусской редакции (Публикация текста). In Slavistica Vilnensis., 2016, № 61, с. 187-256. Белякова, Е.: Неизвестный список поучений киевских митрополитов. In Slavistica Vilnensis, 2019, № 64 (1), с. 59-71.

¹⁸ Корогодина, М.: Кормчая книга в Галиции XVI – начала XVII века. Санкт-Петербург: Библиотека РАН, 2015, с. 109.

продолжали переписывать и Сербскую редакцию Кормчей (около 10 списков). Возможно, что для кафедры во Владимире Волынском при епископе Вассиане (1487-1497), снабдившем книгами кафедральный собор,¹⁹ был создан Харьковский список Кормчей, представляющий собой Владимиро-Волынский извод Русской редакции.

Брестская уния 1596 г. разделила православную паству Киевской митрополии, однако Кормчие продолжали переписывать и униаты, и православные. Жировицкий монастырь стал заказчиком для переписывания Кормчей василианином Никодимом Козицким (Пинский список – ЦБАН Литвы F 19 № 242). Известен список, созданный для Межигорского («казачьего» монастыря), отличающийся яркими маргиналиями XVII – XVIII в., показывающими, как читатель пытался применять правила к новому времени (ГИМ. Барс. 162). Так, 55-ое правило Василия Великого, накладывающее епитимию на того, кто вышел на борьбу с разбойниками, а причетника отлучающего за это, снабжено маргиналией: «Се правило унѣятю basilianom, щоб козаков, аще и разбойники обрацут, не забивати их».²⁰ По поводу слова «перпира» на поле замечено: «питаите с греков що то за пердукила или перпира», а дальше ответ: «перпира знач(ит): шагъ или грош або копѣйка».²¹ К главе «Избрание от закона Моисеева» к статье 15 «о татех» сделано примечание «злудѣя у ночи забити, а у ден поимати и предати татаром».²² К главе 41 грани 39 Прохирона («Градского закона») на поле маргиналия «як хто застанет кого з своею женкою и забьет, не маш ему греха».²³ К Прохирону имеется больше всего маргиналий, что показывает, что этот закон сохранял свою актуальность в казачьей среде, где существовало свое, автономное право.

В условиях, когда православные церкви в большинстве стран (кроме Московской Руси и Грузии) утратили свой исключительный государственный статус, значительно изменились взаимоотношения между епископами и православным населением. Славянская паства самоорганизовывалась и в отсутствие епископов – за поставлением могли обращаться и к епископам в другие епархии. Часто на территории Молдавии и Украины проживали греческие епископы, совершавшие освящение церквей и рукоположение. И хотя в Номоканоне при Большом Требнике первым правилом поставлен запрет рукополагать вне своего предела,²⁴ в XVI в. это была, по-видимому, распространенная практика в славянском мире. Границы епархий, не четко ясные и для периода средневековья, для периода расширения Османской империи вообще трудно определить, особенно для пограничных территорий, неоднократно менявших свою государственную принадлежность. В поддержании православия значительную роль играли монастыри (которые могли одновременно быть и резиденциями епископов), а также сельские и городские общины/приходы. Показательна история Манявского скита в Прикарпатье. Созданный в XVI в. Манявский скит («Великий скит») стал своеобразным центром для монастырей и Галиции, и Молдавии. Как свидетельствует житие основателя Скита Иова Княгиничского, он получил образование в Уневском монастыре, здесь начал писать книги. Из Уневского монастыря он был отправлен на Афон, где принял постриг в Ватопеде и выучил греческий язык. Из Ватопеда был послан в «Великую Россию», потом опять вернулся в Ватопед, неоднократно бывал в Молдавской земле и в Сучавской митрополии, устраивал общежитие в монастыре Дерман, в Киево-Печерской лавре, Межигорском монастыре и создал Угорницкий монастырь и Манявский скит, игуменом он назначил иеродиакона Феодосия из монастыря Путна. Преп. Иов был знаком с епископом Гедеоном Балабаном, Иоанном Вишенским, Захарией Копыстенским. Житие показывает нам сложную систему связей, существовавших между монастырями.²⁵

¹⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. Сост. Улащик, Н. Москва: Наука, 1980, с. 122.

²⁰ ГИМ. Собр. Барсова Е. № 162, л. 146.

²¹ Там же, л. 178.

²² Там же, л. 202.

²³ Там же, л. 259.

²⁴ Павлов, А.: Номоканон при Большом Требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснительными и критическими примечаниями. Москва, 1897, с. 115.

²⁵ Жизнь преподобного отца Иова, основателя ставропигиальной скитской обители чину св. Василия, списана современником иеромонахом Игнатием из Любарова. In Зоря Галицкая яко Альбум на год 1860. Львов, 1860, с. 225-251.

Эти сложные связи отражались в архитектуре, богослужебной и песенной традиции (с преп. Иовом связывают распространение в Галиции балканской песенной традиции)²⁶ и в рукописной традиции: изданный под руководством проф. П. Женьюха Ужгородский Псевдозонар, содержащий записи о преставлении преп. Иова и Феодосия,²⁷ и тем самым связанный с Манявским скитом, относится по своей редакции к спискам молдавским, и одновременно включает дополнительные правила, восходящие еще к древнерусской традиции (вопрошание Кириково) и фрагменты, общие с Лукашевической редакцией Кормчей, распространенной в Галиции. Завет духовный иеросхимонаха Феодосия содержит выписки из устава Иосифа Волоцкого.²⁸

Монастыри выполняли и функции учебных заведений, к монастырским библиотекам обращаются для ответа на запросы времени. Так, священник Василий из Люблина в 1604 г. искал в библиотеке Уневского монастыря сборник церковных канонов. Незнание церковных канонов православными священниками трактуется им как причина упадка благочестия.²⁹ Монастырские библиотеки и стали основой создания новых учебных заведений и первых типографий, что должно было способствовать поддержанию православной традиции на широком пространстве восточной и центральной Европы.

Псевдозонар занял особое место среди канонических сборников, распространенных в славянской традиции на этом пространстве. В настоящее время усилиями ученых славистов из разных стран выявлено уже более 110 его списков, при этом определены далеко не все сборники, содержащие отдельные фрагменты Псевдозонары.³⁰ Задачей является установление редакций сборников. Опубликованное М. В. Корогодиной описание канонических рукописей Библиотеки Академии Наук содержит девять списков Псевдозонары, при этом в состав описанных канонических сборников БАН 33.8.14 (XVI в.), Арх. Д.578 (XVII в.) также входят фрагменты этого памятника.³¹ В третьем томе описания рукописей XVI в. РГАДА Л. В. Мошковой даны описания трех Псевдозонаров – из собрания РО МГАМИД (ф.181) № 843 и № 621, и молдавского ф. 188 (РС ЦГАДА) № 554, написанного в монастыре Путна.³² Сборники, содержащие лишь отдельные фрагменты Псевдозонары, также заслуживают особого исследования и типологизации. Описанный М. В. Корогодиной сборник канонический БАН 33.8.14 представляет собой особый тип сборника, начинающийся Номоканоном Иоанна Постника и содержащий выборку правил из Псевдозонары. К этому же типу относится и сборник РГБ ф. 310 Ундольского № 35 (XVI в.), РГБ ф. 98 Егорова 253 (л. 714-842), РГБ ф. 113 Волоколамского монастыря 506. К этому же типу близка по составу, как отмечает М. В. Корогодина, и опубликованная целиком рукопись из Кирилло-Белозерского монастыря XII в.³³ Таким образом, этот тип сборника возник не позднее начала XV века.

²⁶ Пидгайко, В.: Иов (Княгининский). In Православная Энциклопедия. Т. 25, с. 285.

²⁷ Žeňuch, P. – Белякова, Е. – Найденова, Д. – Zubko, P. – Marínčák, Š.: Užhorodský rukopisný Pseudozonar..., с. CXLVII.

²⁸ Акты, относящиеся к истории Южнозападной Руси. Изд. А. Петрушевич. Львов, 1868. З. № 9. с. 74 -76; Белякова, Е.: Афон и Манявский скит: традиция скитов и значение Святой горы Афон в начале Нового времени. In Афон и славянский мир. Сборник 3. Материалы международной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Киев, 21-23 мая 2015. Святая Гора Афон, 2016: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова м-ря на Афоне, с. 65.

²⁹ Белякова, Е. – Мошкова, Л. – Опарина, Т.: Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. Санкт-Петербург – Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2017, с. 131-142.

³⁰ Обзор изучения истории Псевдозонары в: Žeňuch, P. – Белякова, Е. – Найденова, Д. – Zubko, P. – Marínčák, Š.: Užhorodský rukopisný Pseudozonar..., с.220-225.

³¹ Корогодина, М.: Памятники канонического права в рукописях XV – начала XX века.(Описание рукописного Отдела Библиотеки РАН. Т. 11. Вып.1) Москва – Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2020, с. 228-265, 448-461.

³² Мошкова, Л. (ред.): Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 3. Москва: Индрик, 2020, с.275-284.

³³ Прохоров, Г. (отв. ред.): Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская Национальная Библиотека, Кирилло-Белозерское собрание № XII. Санкт-Петербург: Издательство О. Абышко, 2003; Корогодина, М.: Памятники канонического права в рукописях XV – начала XX

В русской традиции полный текст Псевдозонары был соединен с Кормчей Мясниковской редакции в списке, сделанном в 1493 г. для Соловецкого монастыря (РНБ. Солов. 858/968). В начале XVI в. Псевдозонар оказался и в одном сборнике с Кормчей Западнорусской редакции (РГБ, Егор 245). Это дает возможность предположить, что памятник попал сначала в библиотеку епископской или митрополичьей кафедры, а уже потом его стали переписывать в монастырях. Так, он был переписан в Соловецком монастыре для игумена Иакова (1581–1597) (РНБ. Солов. 685/743), в XVII в. была сделана копия с этого списка (РНБ. Солов. 824/934). К этой же группе списков с добавлением ряда статей относятся и списки из Волоколамского монастыря (РГБ ф. 118. Вол. 541, РГБ ф. 118 Вол. 542, РГБ. Унд. 28 Нифонта Кормилицына (с большими утратами) и Чудовского монастыря (ГИМ, Чуд. 217). И только впоследствии Псевдозонар начали переписывать приходские священники: список третьей четверти XVI в., происходящий из собрания (РГАДА ф. 181 РО МГАМИД № 621) сохранил записи конца XVI в. о продаже этой книги попом Симеоном Троицкому попу Захарии, архангельский поп Афанасий продал книгу Никольскому попу в Устье, Никольский поп из Устья продал ее Луке Дорофееву (на этом список продаж не закончился).³⁴

Именно широкое распространение в среде священников у южных славян сборника Псевдозонар стало причиной издания части собрания в составе Молитвенника (Требника) в Горажде в 1531 г. в качестве 30-й главы.³⁵ Опубликованное собрание отличается от полных рукописных Псевдозонаров значительно сокращенным характером и большей систематичностью. Для составителя особое значение приобрели главы о степенях родства, имевшие практическое значение при заключении браков. Правила, относящиеся к священникам, были помещены в конце собрания и значительно сокращены. В 1545 г. этот же текст был издан в Тырговиште, в 1546 последовало издание в Милешево. В 1606 г. было осуществлено издание Псевдозонары в Стрятине тоже как приложение к Требнику в типографии Федора Юрьевича Балабана. В отличие от Печатной Кормчей 1653 г., издание которой вытеснило практически предшествующие редакции Кормчей и само стало источником для множества рукописных списков,³⁶ печатное сокращенное издание Псевдозонары не вытеснило его полные рукописные редакции, а стало поводом для создания новых. Именно востребованность этого памятника в среде священников и стала причиной соединения его с новыми текстами и проникновением в них разговорного языка. Книжники приспособливали древние правила к новым условиям, снабжали их маргиналиями.

Псевдозонар, как показывает исследование, распространялся в поликонфессиональной традиции, и мог пополняться текстами, возникшими в неправославной среде. Важно отметить, что на листах Ужгородского Псевдозонара³⁷ и в молдавских рукописях появился даже термин «полуверцы», употребляемый, по-видимому, в отношении католиков («латинян»), которых православные не называли еретиками. В трех рукописях Псевдозонар сопровождает «Наука иереом до порядног(о) отправовања службы Божой велице потребная», напечатанная впервые в Служебнике в 1617 г. в типографии Льва Мамонича в Вильно. Этот текст наполнен уже новой, заимствованной лексикой: «сакраменты», «материя», «форма», «притрафити», «офђровати». Изменения коснулись и языка самого Псевдозонары. Сборник

века..., с. 455–456; Корогодина, М.: Какие правила вывез из Святой Горы тверской инок Савва? In: Афон и славянский мир. Сб. 1. Материалы научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Афон: Изд. Русского Свято-Пантелимонова монастыря на Афоне, 2014, с. 265.

³⁴ Полностью записи воспроизведены в описании: Мошкова, Л. (ред.): Каталог славяно-русских рукописных книг..., с. 276.

³⁵ Бојанин, С.: Епитимијни номоканон Горажданског Молитвеника (1523) у свети штамpane и рукописне књиге. In: Божидар Вуковић и српска књига у Венецији. Ниш: 2018, с. 173–194.

³⁶ Белякова, Е. – Мошкова, Л. – Опарина, Т.: Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию..., с. 469–475.

³⁷ Žeňuch, P. – Белякова, Е. – Найденова, Д. – Zubko, P. – Marinčák, Š.: Užhorodský rukopisný Pseudozonar..., с. XXVIII, 1, 6.

получил новое заглавие «Зинарь, albo правила с(вя)тых ап(о)с(то)ль и с(вя)тых отецъ 318 ко полезному и д(у)шевному сп(а)сению, якъ еп(иско)пом, такъ св(я)щенником, яко и мирским людемъ».³⁸ В рукописи ГИМ Барс.168 к правилу «Аще кто раба некоего учит лестно не спослушати своего владики» дана маргиналия «Аще кто учит слугу же би не послушал своего пана».³⁹ Рукопись Румянцевского собрания происходит из храма святителя Николая села Полошкова, в оформлении ее заставок присутствует характерные барочные черты, на скрижалях Моисея изображены буквы иврита.

Таким образом, канонические книги дают материал не только по обособлению традиций, характерной для эпохи конфессионализации, но и свидетельствуют о взаимопроникновении традиций, что особенно характерно для униатской среды.

Другой путь приспособления Псевдозонара к эпохе книгопечатания – появившийся алфавитный указатель статей, сопровождающий текст в редакции в 200(201) глав, и снабжение глав маргиналиями. Сборники этой редакции, созданной в 1603–1620 гг. в кругу львовских (и связанных с этим кругом киевских) книжников, стремительно распространился по Украине и Московской Руси. Известно около 30 списков этой редакции, что превышает другие редакции Псевдозонары. В этих списках, как правило, объединены Алфавитная Синтагма Матфея Властаря, Номоканон (при Большом Требнике) и «Зинарь» (здесь сборник имеет такое название). При этом в Молдавии необходимость в этой редакции отпала, по-видимому, в связи с переводом и изданием Псевдозонары на румынском языке. Многие списки в Московской Руси делались, возможно, в одном рукописном центре, о чем свидетельствует одинаковое оформление рукописей, повторяющих даже расположение текста на листах. При этом они имеются как в патриарших московских собраниях, так и в одном из самых удаленных монастырей – Кожеезерском (РГБ. ф. 98 Егорова № 1681).

Нормы Псевдозонары служили саморегулированию жизни церковных общин. Предписания о постах, праздниках, о взаимоотношении родителей и детей, о наказаниях за кражи, насилие, кровосмешение, нарушение брачных обязательств и разного рода сексуальные отклонения – все это сохраняло свое значение и в новое время. Во многих европейских странах в XVI–XVII вв. правители издавали законы, регламентирующие религиозную жизнь граждан.⁴⁰ В России во второй половине XVII в. неоднократно издавались законы, предписывающие подданным соблюдать пост, не нарушать праздники. Статья 26 главы X Соборного Уложения 1649 г. регламентировала даже время прекращения работы и торговли в праздничные дни.⁴¹ Каноническое право стало влиять на светское законодательство и использоваться для социального дисциплинирования: на смену поучениям, призывающим людей ходить в церковь и причащаться, приходит светское законодательство, обязывающее священников составлять списки людей, не бывших на исповеди.

Дольше всего Псевдозонар просуществовал в старообрядческой среде, где в отсутствие епископов была необходимость самоорганизации общин: требования к священникам переносились на требования к наставникам, институт епитимий и духовничества продолжал существовать. В рукописи начала XVIII в., происходящей, по-видимому, из собрания старообрядческой Выговской пустыни, Псевдозонар соединен со списком с печатной Кормчей (ГИМ, собр. Уварова № 108). «Зинарь» неоднократно печатался в тайных типографиях старообрядцев.⁴²

³⁸ РГБ. Собр. Румянцева 256 № 239, л. 1.

³⁹ ГИМ. Собр. Барсова № 168, л. 50.

⁴⁰ Willoweit, D.: Katholische Reform und Disziplinierung als Element der Staats- und Gesellschaftsorganisation. In Glaube und Eid. Treueformeln, Glaubensbekenntnisse und Sozialdisziplinierung zwischen Mittelalter und Neuzeit. Hrgb. Von Paolo Prodi unter Mitarbeit von Elizabeth Müller-Luckner. München, 1993, s. 113–132.

⁴¹ Маньков, А. (ред.): Акты Земских соборов. In: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Москва: Юридическая литература. С. 106.

⁴² Вознесенский, А.: Старообрядческие издания XVIII – начала XIX вв. Введение в изучение. Санкт-Петербург: Издательство Санкт Петербургского университета, 1996, с. 97–101.

Но в практике официальной церкви его вытеснял Номоканон, изданный впервые в Киеве в 1620 г., переизданный в 1629 г. и а затем с 1639 г. неоднократно издававшийся при Большом Требнике на Московском Печатном дворе, а оттуда распространявшийся по всем православным землям. Он также включал статьи из Номоканона Иоанна Постника, но был более кратким (всего 228 статей) и был адресован исключительно духовникам.⁴³ Не мог конкурировать Псевдозонар и с Печатной Кормчей, широко распространившейся в славянских землях, так как Кормчая представляла собой свод аутентичных канонов, изданных поместными и вселенскими соборами и включала также подлинные законодательные акты византийских императоров.

Обзор распространения кириллических канонических памятников в начале нового времени показывает их значимость для культурного пространства Центральной, Восточной Европы и Балкан. Памятники свидетельствуют как о тенденции сохранения неизменности православной церковной традиции, так и о способах ее приспособления к условиям нового времени. Особую роль играли в их распространении монастырские библиотеки, сохранявшие старые тексты и открывавшие возможность для переписывания и создания новых. Обращение к конкретным рукописям, выявление редакций позволяет установить связи между отдельными культурными ареалами, не совпадающими в период раннего нового времени с государственными границами. Изучение рукописной традиции канонических памятников позволяет понять особенности их распространения.

Niektoré osobitosti šírenia cyrilských pamiatok cirkevného práva u Slovanov v ranom novoveku

Elena Vladimirovna Belyakova

Najdôležitejšie slovanské pamiatky kánonického práva vznikli ako preklady v dvoch obdobiach: v období šírenia kresťanstva a v období rozkvetu samostatných slovanských feudálnych štátov. V počiatočnej fáze staršieho obdobia vzniku slovanských prameňov kánonického práva sa plné kódexy takýchto kánonov (napr. Kormčije knihy) tvorili prevažne na území Moskovskej a Kyjevskej metropolie, hoci Azbuková (Azbučnaja) Syntagma Mateja Blastara a zborník Pseudozonar sa viac šírili na Balkáne a v strednej Európe. Šírenie Pseudozonara si vyžadovalo najmä ustaľovanie správy cirkevných komunít. Práve Pseudozonar obsahuje doplnenia, ktorých pôvod treba vidieť v katolíckej tradícii a v lokálnych vplyvoch.

⁴³ Павлов, А.: Номоканон при Большом Требнике...